

Д. ЖУРАВЛЕВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕМ ДРУГЕ

С Павлом Григорьевичем Антокольским меня связывали многолетние дружеские отношения: для меня он был Павлик, я для него — Дима. Началось наше знакомство очень давно.

Это было начало двадцатых годов, точнее 1924 год, когда я был принят по большому конкурсу в Школу Третьей студии МХТ, позднее ставшей Театром им. Евгения Вахтангова. Я буквально захлебывался массой впечатлений, обрушившихся на меня, оглушенный радостным сознанием того, что мечта учиться театральному искусству осуществилась и что я попал в круг замечательных артистов. В те годы коллектив Третьей студии, только что осиротевшей, потерявшей своего создателя и наставника Вахтангова, был крепко спаян сознанием необходимости достойно продолжить его дело. Школа Третьей студии была частью творческого коллектива студии, и мы, также называвшиеся студийцами (а это звание было предметом гордости и ко многому обязывало), посылно участвовали в жизни сту-

дии, ежедневно встречаясь с Р. Н. Симоновым, Б. В. Щукиным, О. Н. Басовым, Ц. Л. Мансуровой, А. А. Орочко, Б. Е. Захавой и другими мастерами старшего и среднего возраста и, конечно, с Павлом Григорьевичем, который был тогда режиссером студии.

Прекрасная атмосфера студийности, как тогда говорили, то есть общей творческой увлеченности, товарищеского отношения старших к младшим, наша школярская влюбленность в учителей и режиссеров — вот отправная точка дружбы между Павликом и мной. Среди хранимых мною драгоценных подарков — примет своего времени! — несколько книжек Антокольского, первая начинается надписью «Д. Н. Журавлеву с душевным приветом. Автор — 5/IV—27 г.», а следующая 1933 года: «Диме Журавлеву совершенно дружески. Павел».

С середины тридцатых годов Наталия Николаевна, Наташа и Вова стали нашими ближайшими соседями по дому № 12 по улице Вахтангова. Павел Григорьевич часто приходил к ним, и мы, встретившись на улице прямо перед домом, горячо обсуждали новинки театральной жизни, поэзии и многого другого. Дружба с дочерью Антокольского Наташей, вышедшей замуж за поэта и переводчика Леона Тоома, в послевоенные годы стала еще теснее. Скоро у них появился сын Андруша, позднее дочка Катюша. Это был чудесный дом! Наташа, которую все называли ее детским именем «Кипса», — талантливый художник-иллюстратор. Она боготворила Шекспира и делала множество иллюстраций к его пьесам.

В 400-летнюю годовщину со дня рождения Шекспира в доме Наташи был устроен большой вечер. Вся квартира была увешана ее иллюстрациями к его трагедиям и комедиям. Даже угощение она сделала «английским» — с ростбифом, грогом и другими приметами английской кухни.

Открыл вечер Павел Григорьевич. Начал он удивительно. Ритмично, как будто читая стихи, описывал он... что бы вы думали? Россию XVI века, ее снега, огромные пустынные степи, «черные ветры», лучины в холодных избах, потом перешел к грозному царствованию Иоанна Васильевича. Мы переглянулись в недоумении: все это хорошо, но где Шекспир? И вот тут он, как заправский оратор, одним скачком перенес нас в Англию, где 23 апреля 1564 года в городе Стратфорде на Эйвоне... Как замороженные следовали мы за блестящим полетом его мысли, его бурной, темпераментной импровизации, а когда он кончил свое сло-

во в честь Шекспира, дружно и долго аплодировали. Потом я прочел статью Анатоля Франса о «Гамлете» и сцену смерти Антония из трагедии «Антоний и Клеопатра» в переводе Пастернака. Моя дочка Наташа прочла сцену на балконе из «Ромео и Джульетты». Грузинский поэт Карло Каладзе говорил о Шекспире, читал посвященные ему стихи.

Некоторые из моих друзей по Театру Вахтангова осуждали мое увлечение искусством художественного чтения, считая, что оно мешает основной актерской работе в театре. Но были и те, кто внимательно следил за этой, все расширяющейся работой, столь тесно связанной с литературой, всячески поддерживая и одобряя меня. И Павла Григорьевича тут можно назвать в первую очередь. Он всегда подробно и увлеченно расспрашивал меня о моих чтецких планах, чутко реагировал на мои выступления. Так, к столетию со дня смерти Гоголя я приготовил «Шинель» и выступил с ней на вечере в Доме актера, где среди публики было много актеров и писателей. Под непосредственным впечатлением моего выступления Павел Григорьевич написал мне письмо, которое я храню как одну из самых значительных, интересных рецензий на эту работу. Мне хочется привести его полностью.

«Дорогой Дима!

Вчерашний вечер, вчерашнее твое чтение произвели на меня очень большое впечатление. Конечно, из всего сделанного тобой до сей поры «Шинель» — это самое сильное, законченное и зрелое создание. Черты нового искусства, которому ты уже давно служишь, проявились в «Шинели» особенно ярко. В чем они? В том, что ты умеешь совместить в одном лице актера-исполнителя и публициста-ведущего. Я назвал тебя «человек-оркестр», и это очень похоже.

В «Шинели» наиболее убедительны две линии исполнения. Прежде всего актерское перевоплощение в Акакия Акакиевича и рядом с ним гражданское негодование Дмитрия Николаевича, то есть Николая Васильевича!

Легко понять, что это и есть *основное* в «Шинели». В этом значение повести — ее бессмертие.

Робость героя, его скромность, косноязычие, беззащитность, неприкаянность и сиротство в страшном мире ловких и самоуверенных людей сыграны тобой (именно *сыграны*) с превосходной силой. Тут все хорошо с начала до конца, начиная с поведения Акакия Акакиевича на службе вплоть до его предсмертного бреда. И апогей исполнения — страш-

ная картина ограбления. Тут ты выступаешь как настоящий артист *великого русского театра*, ученик Москвина, Чехова, Щукина, а может быть, прежде всего ученик Евгения Багратионовича с его требованиями резкой и отчетливой формы.

И это главное, с чем я хочу тебя поздравить. То есть дело не в поздравлении, а в том, чтобы утвердить в твоём сознании ценность художественного создания *образа*.

Второе — гражданское негодование Гоголя, то есть подспудный смысл повести. Всюду, где звучит открытие «от автора», где раскрываются карты могучей сатиры, тебе хватает и темперамента, и голоса, и горящих глаз, и, главное, самообладания, чтобы целиком донести до слушателей значение своего рассказа. Прежде всего в отступлении насчет молодого, честного чиновника, который однажды засовестился и услышал в безответном Акакии Акакиевиче знаменитое «я — брат твой». Это превосходное место — одно из лучших в твоём чтении. И в дальнейшем всюду, где звучат ноты боевой, торжествующей мстительности, ты тоже на коне, тоже с подлинным темпераментом и гневом обрушиваешься на головы слушателей.

Эти две линии, будучи основными в исполнении, действительно тебе удались.

Разбор должен бы быть более подробен, более профессионален и въедлив, но это трудно с одного раза. Я тебе глубоко благодарен за приглашение на вчерашний вечер. Ты лишний раз доказал живучесть великих традиций (поистине великих) нашего театра и литературы.

Крепко тебя целую, дорогой мой.

Сколько еще тебя ждет прекрасных побед — могу себе представить!

Твой Павел.

7 мая 52».

Я не судья этого письма, поскольку оно обо мне, но, по-моему, в нем слышится пылкий голос человека острого ума, глубоких знаний, талантливого писателя, всей душой «болеющего» за русскую литературу, за ее достоинство, за ее жизнь в современности. Судьба подарила мне множество интересных встреч с актерами, писателями, музыкантами, художниками. И среди них ярко светила личность одного из прекраснейших поэтов времени — ПАВЛА АНТОКОЛЬСКОГО.